

История древнего мира и средних веков

С. В. Санников

Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов

Проблема выработки современного методологического подхода к изучению вопросов происхождения государства чрезвычайно актуальна для российской исторической науки, отказавшейся в конце прошлого столетия от господствовавшей методологии исторического материализма, но так и не выработавшей пока равноценной альтернативной методологии. Данное положение в полной мере проявляется в изучении процесса становления ранних форм государственной организации германских народов, который по сей день излагается в отечественных учебных пособиях преимущественно с точки зрения социально-экономических и антропологических теорий XIX столетия¹. Конструирование современной методологии при этом не может, по всей видимости, ограничиться одной лишь ре-

¹ Речь идет о структурной типологии «варварских» обществ Л. Г. Моргана и, как ни странно, по-прежнему актуальной для отечественной медиевистики теории социально-экономических формаций К. Маркса. В качестве примера можно привести учебное пособие из серии «Классический университетский учебник» Московского государственного университета: История средних веков / Под ред. С. П. Карпова. М., 2005. Т. 1. Авторы учебника прослеживают в социально-экономическом развитии германских племен «разложение первобытно-общинного строя» (С. 69), а «социально-политический строй» германцев оценивают как «строй, характерный для высшей ступени варварства, притом еще отнюдь не исчерпывающий своих возможностей» (С. 77).

Санников Сергей Викторович, канд. ист. наук, советник отдела государственной гражданской службы и кадров администрации Новосибирской области. E-mail: sannikov_s@ngs.ru

© С. В. Санников, 2008

цепцией достижений европейской науки, поскольку для нее, как справедливо отмечает А. Я. Гуревич, также характерна «разногласия в оценке общественного строя древних германцев»¹.

Характеризуя основные направления в рассмотрении проблем становления государственности у германских народов в европейской науке, необходимо отметить, что начиная со знаменитой дискуссии романистов и германистов, берущей начало в XVII столетии и получившей особенно яркое выражение в XIX в., данная проблема рассматривается преимущественно в ключе вопросов континуитета либо рецепции римских и древнегерманских социальных институтов. Представители «современной школы» германской историографии (Т. Майер, Г. Данненбауэр, К. Босл, Г. Миттайс и др.) склонны проследивать истоки германской государственности начиная с древнейшего периода истории германских обществ². Государство при этом рассматривается в функционалистском ключе, как «всякое устройство народа для достижения своих политических целей» или как политическая и правовая организация «для защиты от произвола, для удовлетворения и обеспечения материальных и духовных ценностей и для достижения политических и общественных целей»³. Подобный подход использован и в иных исследованиях, посвященных вопросам возникновения государственности у древних германцев⁴.

В советской медиевистике возникновение государственности у древних германцев объяснялось переходом к новому типу хозяйствования и земельных отношений,

¹ Гуревич А. Я. Избр. тр.: В 4 т. М.; СПб., 1999. Т. 1: Древние германцы. Викинги. С. 45.

² См.: Бимахимова К. С. «Современная школа» буржуазной медиевистики ФРГ о древнегерманской королевской власти // Проблемы всеобщей истории. М., 1976. С. 261–285.

³ Цит. по: Бимахимова К. С. «Современная школа» буржуазной медиевистики...

⁴ Drew K. F. Another Look at the Origins of the Middle Ages: A Reassessment of the Role of the Germanic Kingdoms // *Speculum*. Vol. 62. № 4. P. 803–812.

возникшему в результате переселения германцев на территорию Западной Римской империи¹. Государство в рамках марксистского учения трактовалось как основной институт политической системы классового общества, используемый «для подавления классовых противников экономически господствующего класса»². В связи с этим возникновение ранних форм государства у германских народов традиционно рассматривалось в отечественной историографии в ключе общего процесса смены античной рабовладельческой социально-экономической формации феодальной формацией³.

Первая существенная дискуссия, обнаружившая узость рамок марксистской методологии для изучения процесса образования ранних форм государственности германских народов, имела место в 1966 г., и была связана с проблемой формационной характеристики германского общества эпохи образования германских «варварских королевств». В ходе дискуссии А. И. Неусыхиным была высказана опередившая свое время мысль о том, что рассматриваемое общество не относится ни к феодальной, ни к рабовладельческой формации⁴. Данная идея А. И. Неусыхина перекликалась с предложенной А. Я. Гуревичем идеей формационной «многоукладности» средневековых обществ⁵, а также с идеями «дофеодального периода» развития раннеклассовой государственности, высказанными А. Д. Удальцовым

¹ См. главу «Переворот в аграрных отношениях при Меровингах и Каролингах» в работе: *Энгельс Ф.* К истории древних германцев: Франкский период. Марка. М., 1938.

² *Юридический энциклопедический словарь.* М., 1984. С. 69.

³ См. более подробно: *Горемыкина В. И.* Возникновение и развитие первой анатагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982; *Правда В. Л.* Проблема перехода от античности к средним векам в советской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

⁴ *Несухин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // *Вопросы философии.* 1968. № 2. С. 45–63.

⁵ *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // *Вопросы философии.* 1968. № 2.

и С. В. Юшаковым¹. Несмотря на очевидную значимость доводов исследователей, концепция не получила дальнейшего развития в связи с невозможностью встраивания предложенной исследователями модели в рамки схоластических категорий формационной схемы.

Смена господствующей политической идеологии, произошедшая в России в конце XX столетия, повлекла за собой значительную либерализацию научной мысли, что закономерно привело к появлению научной критики марксистской методологии. В частности, подвергся обстоятельной критике универсализм концепции социально-экономических формаций², было пересмотрено основное положение марксистской доктрины о функциональной связи уровня развития производства, организации семьи, общественного и политического строя³, опровергнуто положение об эволюции «родовой общины» как определяющем факторе развития социальной организации древних германцев⁴. Полученные результаты исследований привели к фактическому опровержению концепций, составляющих тело марксистской парадигмы исторического материализма, что повлекло снятие данной парадигмы в качестве исследовательской программы.

Проблема выработки нового методологического подхода к изучению процесса становления ранних форм государственной организации у германских народов получила развитие в начале 1990-х гг. благодаря работе Е. А. Мельниковой, посвященной типологии предгосударственных и раннегосударственных образований

¹ См.: *Горемыкина В. И.* Возникновение и развитие первой анатагонистической формации... С. 16.

² См.: *Гуревич А. Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 31–43.

³ *Коротав А. В., Крадин Н. Н., Лынича В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 24–83.

⁴ См.: *Гуревич А. Я.* Избр. тр. Т. 1. С. 51; *Васютин С. А.* Концепция эволюции общины у германцев в I тысячелетии до н. э.: проблемы преподавания // *Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания.* Кемерово, 2004. Вып. 1. С. 9–24.

Северной и Северо-Восточной Европы¹. На основании анализа археологических памятников и письменных источников Е. А. Мельниковой удалось выделить в развитии североевропейских обществ такие формы общественной организации, как «вождество», «дружинное государство», «раннефеодальное государство». В сходном ключе были решены работы Е. В. Пчелова² и Н. Ф. Котляра³, применивших наработки Е. А. Мельниковой к ранней истории славян и Киевской Руси.

Применение новых теоретических конструкций встретило серьезную критику со стороны ряда исследователей. В частности, В. В. Пузанов выявил ряд серьезных недочетов в концепции авторов – таких, как не вполне удачный характер предложенного термина «дружинное государство», общую непоследовательность ряда характеристик, недостаточную продуманность критериев перехода от «вождеств» к «дружинному государству»⁴. Дискуссия не получила развития в связи с тем, что исследователи прекратили дальнейшую разработку вопросов применения концепции вождеств к материалу раннеклассовых обществ Северной и Восточной Европы, и данная концепция впоследствии лишь эпизодически всплывала в исследованиях ранней государственности славян и германцев⁵.

¹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.

² Пчелов Е. В. К вопросу о времени возникновения Древнерусского государства // Альтернативные пути к цивилизации. Владивосток, 1995. С. 117–127.

³ Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995. С. 33–49.

⁴ Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 148–167.

⁵ Мельникова Е. А. От племени к раннему государству. Железный век // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Соловьев К. А. Эволюция форм легитимации государств

Признавая объективность ряда критических замечаний в отношении полученных результатов исследований, нельзя не отметить огромное значение указанной работы Е. А. Мельниковой для изучения процесса становления ранних форм государственной организации германских народов. Целесообразность внедрения теоретической конструкции вожеств объясняется прежде всего тем, что повсеместно используемые в марксистской эволюционной схеме для характеристики доклассовых обществ категории «племя»¹, «союз племен»², «суперсоюз племен»³, «конфедерация племен»⁴ не всегда корректно отражают структуру рассматриваемых этносоциальных образований, что можно продемонстрировать на простом примере. Если рассматривать этносоциальную общность франков в качестве «союза племен», как это традиционно делалось в советской историографии⁵, то возникает вопрос, каким образом можно охарактеризовать структурное образование, возникшее в результате деятельности вождя франков Хлодвига, подчинившего своей власти многочисленные франкские политии, и взявшего под свой контроль сопредельные политии алеманнов и тюрингов, вошедшие впоследствии в состав франкского королевства? Логично предположить, что под властью Хлодвига должен был возникнуть либо «суперсоюз племен», либо «раннефеодальное государство», однако данные категории не отражают

венной власти в Древней и Средневековой Руси // *Международный исторический журнал*. 1999. № 1.

¹ См.: *Большая советская энциклопедия*. М., 1975. Т. 20. С. 25.

² См.: Там же. М., 1976. Т. 24. С. 272. О германских «союзах племен» см. также: *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 390–412.

³ См.: *Пузанов В. В.* Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв. // *Исследования по русской истории*. СПб.; Ижевск, 2001. С. 19–47.

⁴ См.: *Дворецкая И. А.* Западная Европа V–IX вв. Раннее средневековье. М., 1990. С. 53 и др.; *Ковалевский С. Д.* Образование раннеклассового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 99–101 и др.

⁵ См. статью «Франки» в *Большой советской энциклопедии*. М., 1977. Т. 27. С. 615.

действительности, поскольку в конце V столетия под началом Хлодвига была сложноорганизованная иерархическая полиция с административной структурой, не предполагавшей ни коллегиального межплеменного высшего органа управления, существование которого дало бы основания говорить о союзном (консенсуальном) характере объединения, ни легитимной монополии административного аппарата на применение силы в отношении полноправных членов данной полиции¹. Персональная власть Хлодвига в большей степени основывалась на авторитете его влиятельного рода и его личной харизме, нежели на институциональном начале². Для данного типа полиции, как нам представляется, наиболее точно подходит характеристика компаундного (комплексного) вожества³. Не исключено также, что на определенных этапах своего развития франкская общность представляла собой мультиполицию⁴, включающую комплексное вожество и ряд простых вожеств (возможно, племенных политий) на периферии.

Одним из важнейших методологических аспектов изучения процесса становления государства является вопрос о критериях раннего государства, и отличии государства от комплексного вожества. Среди определяющих признаков государства традиционно выделяются такие признаки, как территориальное деление, система

¹ Характерно, что для устранения своих соперников из числа франков Хлодвиг выискивал благовидные предлоги, оправдывающие его поступки в глазах соплеменников.

² Николаева И. Ю. О харизме меровингов, или о возможности методологического синтеза и верификации в истории ментальности // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2000. С. 58–74.

³ См.: Санников С. В. Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности политогенеза // История и социология государства. Новосибирск, 2003. С. 36–54.

⁴ Термин А. В. Коротаяева. См.: Коротаяев А. В. «Апология трибализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // Социологический журнал. № 4. 1995. URL: <http://www.socjournal.ru/article/193>

налогов, и наличие аппарата управления¹. Необходимо, однако, отметить, что ни один из данных признаков, равно как и их сочетание, не могут выступать достаточными критериями государственной организации, поскольку даже в европейских средневековых государствах вплоть до IX столетия определяющее значение при решении вопроса о действии нормы права в отношении какого-либо лица играла не территория, на которой данный человек проживал, а его этническая принадлежность. При этом, как справедливо отмечает Н. Н. Крадин, система редистрибуции нередко сопоставима с регулярной системой налогообложения, а наличие специфического аппарата управления в рамках вожеств затрудняет проведение четкой дифференциации с административными структурами раннего государства².

Наиболее, на наш взгляд, значимым критерием перехода общества к государственной организации является отмеченная М. Вебером монополия аппарата управления на легитимное применение силы в отношении членов данного сообщества³. Несмотря на то, что Р. Карнейро привел контраргумент, ссылаясь на англосаксонские законы, в которых, как он отмечает, «записано, что любой может убить вора (не обращаясь в специальные органы правосудия) и даже получить за это определенное вознаграждение»⁴, необходимо уточнить, что право убить пойманого с поличным вора рассматривалось германцами и представителями других индоевропейских народов как естественное право на самооборону и защиту своего имущества, в то время как в англосаксонских и иных германских памятниках архаичного права уже прослеживается четкая тенденция к установлению суровой ответ-

¹ См.: Крадин Н. Н. Современные данные о происхождении государства // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 1: История.

² Там же.

³ Weber M. Politik als Beruf. München; Leipzig, 1919.

⁴ Крадин Н. Н. Современные данные... С. 26–27.

ственности за самовольное отправление правосудия¹. Приведенный Р. Карнейро пример, на наш взгляд, свидетельствует именно о сохраняющемся значении отдельных догосударственных институтов и социальных практик у англосаксов периода раннего средневековья.

Вопрос о роли правового регулирования в качестве одного из критериев государственности также является значимым дискуссионным вопросом. В частности, в советской исторической науке в качестве одного из критериев государственности рассматривалась письменная фиксация права, а возникновение государства и возникновение права мыслились как взаимосвязанные процессы. Право понималось как средство осуществления государственной власти², и возникновение права связывалось с деятельностью государственных институтов, что отличало право «от правил поведения в доклассовом обществе, а также от других нормативных систем (например, морали)»³. Право, таким образом, в определенной мере противопоставлялось нормативным системам, свойственным догосударственным обществам, для которых в советской этнографии было введено специальное понятие «мононорматика»⁴, подчеркивающее недифференцированность права, морали и религии в доклассовых обществах. Современные отечественные исследователи, однако, склонны расширять сферу действия такого явления, как право, полагая, что «некоторые из... юридических обычаев появились очень рано и функционировали с первых этапов социогенеза»⁵.

Следующая методологическая проблема связана с решением вопроса о факторах и специфике политогенеза у герман-

¹ В англосаксонском праве – Ines Domas, 9; Aelfredas Domas, 42; в праве лангобардов – Edictus Rothari, 143, 250 и др.

² *Юридический энциклопедический словарь*. М., 1984. С. 272.

³ Там же.

⁴ *Перици А. И.* Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁵ *Нагих С. И.* Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // *Юридическая антропология. Закон и жизнь*. М., 2000. С. 32–45.

ских народов. Представление о различных путях политогенеза у континентальных и северных германцев прослеживается уже в работах М. М. Ковалевского¹ и П. Г. Виноградова², отмечавших роль синтеза романских и германских элементов в генезисе континентальных моделей феодализма, и преимущественно германские корни раннефеодальной модели Англии. Для советской исторической науки в вопросе о путях происхождения государственности у германцев определяющее значение имела концепция К. Маркса о трех путях становления и эволюции общины (азиатском, античном и германском)³, а также учение Ф. Энгельса об особенностях становления государства у германцев⁴. Тем не менее в 1960-е гг. представление о различных путях генезиса европейского феодализма, представленной в работах З. В. Удальцовой, Е. В. Гутновой⁵.

В работе Е. А. Мельниковой проблема многолинейности политогенеза у германских народов получила новое освещение, поскольку автором была предпринята попытка выявить и сопоставить специфические экономические и геополитические факторы, способствовавшие развитию раннегосударственных структур у германцев континентальной и Северной Европы вне контекста проблемы смены или взаимодействия социально-экономических формаций. Е. А. Мельникова отмечает значительную роль воен-

¹ *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения. М., 1879; *Он же.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895.

² *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880; *Он же.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

³ *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. См. также: *Васильев Л. С., Стучевский И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме азиатского способа производства) // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 77–90.

⁴ См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947. Гл. VIII: Происхождение государства у германцев.

⁵ См.: *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации... С. 21.

ного фактора в формировании «варварских» германских королевств на романизированных территориях и определяющую роль торговли и производства в становлении торгово-ремесленных центров и предгосударственных образований Северной Европы¹. Развивая поставленную Е. А. Мельниковой проблему, отметим, что дальнейшее рассмотрение вопроса о различных путях политогенеза у германских народов требует, на наш взгляд, комплексного анализа факторов, обусловивших развитие данных путей.

Представляется, что для северогерманского пути политогенеза можно выделить в качестве определяющих факторов не только отмеченные Е. А. Мельниковой торгово-экономические отношения, возникающие в связи с развитием производства и морского сообщения, но и военные походы эпохи Великого переселения и вендельского периода². Одним из наиболее ярких показателей влияния походов эпохи Великого переселения на структуру социально-экономических отношений в Скандинавии рассматриваемого периода может, на наш взгляд, считаться значительный приток римского золота в Скандинавию в период 400–550 гг., прослеживающийся по материалам кладов и отдельных находок³. Роль военных походов в становлении крупных потестарных образований на территории Северной Европы вендельского периода подтверждается данными средневековой эпической литературы⁴ и распространением

¹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 23–24.

² См.: Санников С. В. Развитие предгосударственных территориально-политических образований в эпоху римского и германского железного века Скандинавии // Труды ХLI МНКС. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 3–12.

³ Каталог датских кладов эпохи Великого переселения: Geisslinger H. Horte als Geschichtsquelle dargestellt an den völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraums. Neumünster, 1967.

⁴ «Сага об Инглингах» (Ynglinga saga), «Беовульф» (Beowulf). Сравнительный анализ и критика: Rausing G. Beowulf, Ynglinga-

военной атрибутики в погребениях знати рассматриваемого периода ¹.

Правомерно, на наш взгляд, ставить вопрос и о роли различных культурно-цивилизационных факторов в политогенезе у германских народов. Значительное влияние на данный процесс оказала, вероятно, соседняя кельтская цивилизация, о контактах с которой свидетельствуют многочисленные находки артефактов кельтского происхождения в Ютландии. Данные находки, по предположению исследователей, могут быть связаны с походами северогерманских племен кимвров и тевтонов в Галлию и Италию ². Масштабы влияния кельтской цивилизации могли быть весьма значительными, учитывая, что походы кимвров и тевтонов хронологически совпадают с глубокими структурными изменениями кельтского общества, сопровождавшими возникновение в Галии «предгосударственных образований» ³.

Римское влияние на варварском севере было слабее, чем в континентальной Германии, однако данное влияние четко прослеживается в Скандинавии на протяжении всего римского железного века и эпохи Великого переселения народов. Среди наиболее ранних символов престижа, прослеживающихся в скандинавских погребениях римского железного века, необходимо упомянуть бронзовые сосуды италийского происхождения, используемые в качестве погребальных урн ⁴. Широкое распространение в эпоху Великого переселения народов в Скандинавии получают

tal and the Ynglinga Saga. Fiction or History? // Fornvannen, 80. Stockholm, 1985.

¹ *Stolpe H., Arne T.* Graffältet vid Vendel. Stockholm, 1912; *Lindqvist S.* Vendel-Time Finds from Valsgarde in the Neighbourhood of Old Uppsala // Acta Archaeologica. 1932. Vol. 3. P. 21–46.

² *Щукин М. Б., Еременко В. Е.* К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1999. № 34. С. 134–160.

³ Там же.

⁴ *Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М., 1974. С. 192.

римские медальоны и германские брактеаты, также нередко содержащие римскую потестарную символику¹. Влияние римской потестарной модели прослеживается и по отраженному в средневековой скандинавской литературе представлению о том, что «кесарь – это именитейший из конунгов (æðstr konunga)»².

Значительное влияние на политогенез у германцев Северной Европы оказывают политические модели франкского королевства и Священной римской империи германской нации. Примером может служить деятельность претендовавшего на роль объединителя земель Дании и Норвегии конунга Харальда Синезубого, вступившего в отношения крестного родства с германским императором Оттоном II³. Опосредованное влияние англосаксонской модели на процесс становления королевской власти в Скандинавии можно наблюдать на примере деятельности объединителя земель Норвегии конунга Харальда Прекрасноволосого, отдавшего своего сына на воспитание королю Англии⁴.

Географически наиболее отдаленным, но достаточно значимым этнокультурным фактором политогенеза у северогерманских народов может, на наш взгляд, также считаться влияние азиатских кочевых империй, прежде всего империи гунна Атилы, вошедшего в германо-скандинавский эпос в образе могущественного и властно-го конунга Атли (Этцеля)⁵.

В числе определяющих факторов политогенеза у континентальных германцев необходимо назвать римское за-

¹ См.: *Axboe M.* The Scandinavian gold bracteates. *Acta Archaeologica*. 1982. Vol. 52; *Gaimster M.* Vendel period bracteates on Gotland: on the significance of Germanic art. Lund, 1998.

² *Младшая Эдда*. Язык поэзии, 66.

³ См.: *Круг земной*. Сага об Олаве сыне Трюггви, XXVIII.

⁴ См.: *Круг земной*. Сага о Харальде Прекрасноволосом, XXXIX.

⁵ Данный образ получает отражение в таких памятниках германо-скандинавской героико-мифологической традиции, как «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Песнь о Нибелунгах», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Тидреке» и др.

воевание зарейнской Германии, вызвавшее глубокую трансформацию структуры германского общества и проникновение римского политического фактора в общественную жизнь германцев¹, а также Великое переселение народов, сопровождавшееся взаимопроникающим культурным влиянием римского и варварского миров. Влияние римского культурно-цивилизационного фактора прослеживается в континентальной Германии, в целом, начиная с периода раннего римского железного века. Восприятие германской культурой римской потестарной символики получает яркое выражение в символической составляющей княжеских погребений эпохи римского железного века в Хаслебене и Лейне, где во рту погребенных присутствуют римские монеты². Рецепция римских потестарных символов достигает апогея в рамках германских «варварских королевств», становясь важным элементом борьбы за правопреемство императорской власти на территории Западной Римской империи. Значимым фактором политогенеза также становится принятие германскими народами христианства и восприятие концепции высшей избранности носителя королевской власти, появление образа короля-праведника и короля-просветителя.

Среди цивилизационных факторов, оказавших влияние на политогенез у континентальных германцев, необходимо также отметить влияние кельтской цивилизации, которое находит отражение, прежде всего, в материальной культуре германцев позднелатенского времени, содержащей такое количество заимствований из кельтской культуры, что сходство артефактов позволило Е. Шпрокгоффу вообще рассматривать ясторфскую культуру как вариант латенской³. Значительное влияние на политогенез у континентальных германских народов (прежде все-

¹ Римляне нередко решали вопросы о назначении королей различных германских народов во время династических и социальных кризисов в германской среде.

² Могильников В. А. Погребальный обряд... С. 184.

³ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 327.

го, восточногерманских) оказывает, по всей видимости, и организационная модель кочевых сообществ Евразии, в сферу влияния которых были вовлечены отдельные германские народы.

Таким образом, анализируя различные пути политогенеза у германских сообществ, мы приходим к выводу о том, что у континентальных и северных германцев политогенез происходил под влиянием большого количества социально-экономических факторов и нескольких культурно-исторических моделей. Представляется возможным оценивать степень влияния той или иной модели на развитие отдельных германских сообществ, а также значимость и выраженность конкретных факторов, определявших данное развитие, что, на наш взгляд, является перспективным направлением дальнейшего исследования.

Подводя итоги анализа методологических аспектов изучения процесса становления ранних форм государственной организации германских народов, отметим, что формирование нового подхода к пониманию данного процесса представляется целесообразным осуществлять с позиций методологического синтеза. В качестве основания для такого синтеза мы предлагаем принять концепцию государства М. Вебера, типологию форм организации акефальных и иерархических сообществ Р. Карнейро, концепцию мультиполитии как специфической формы социальной организации А. В. Коротаева, концепцию «многоукладности» социальных структур раннего средневековья А. Я. Гуревича, а также иные релевантные концепции и теории, позволяющие обогатить наше понимание процессов политогенеза у германских народов и эволюции древних германских обществ.